

Социологические науки

УДК 101.1:316
В.П. Гриценко

Гриценко Василий Петрович, доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), postmodernist@mail.ru

ГОРОД КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ¹

Статья написана в тематическом поле проблем гуманитарной урбанистики. Автор рассматривает город как социальный институт, функционирующий как элемент социальной памяти социума. Тема рассматривается в контексте проблем региональной урбанистики и территориального брендинга.

Ключевые слова: философия брендинга, город как концепт, город как институт социальной памяти, гуманитарная урбанистика, Краснодар.

V.P. Gritsenko

Gritsenko Vasily Petrovich, the Doctor of Philosophy, professor, the vice rector for scientific work of the Krasnodar state institute of culture (33, im. 40-letiya Pobedy St., Krasnodar), postmodernist@mail.ru

CITY AS SOCIAL MEMORY

Article is written in the thematic field of problems of humanitarian urbanistics. The author considers the city as the social institute functioning as an element of social

¹Издание подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в 2016 году и Администрации Краснодарского края. Проект 16-13-23010.

memory of society. The subject is considered in the context of problems of regional urbanistics and territorial branding.

Keywords: branding philosophy, city as concept, city as institute of social memory, humanitarian urbanistics, Krasnodar.

Культура как социальная память является механизмом аккумуляции и конденсирования опыта людей. Индивид осваивает этот опыт в процессе социализации и делает своим достоянием. У животных тоже существует внегенетическая форма передачи опыта в виде показа, примера, подражания. Тем не менее, этот феномен не называется культурой. Животные не создают специальной небиологической формы «памяти» для аккумуляции социального опыта. У человека же эту функцию выполняет наиндивидуальное кодирующее, запоминающее и программирующее устройство - «социальная память». Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский определяли культуру социальной памятью коллектива, проявляющуюся в системе табу и предписаний» [1, 147]. Функции социальной памяти выполняют орудия, продукты труда, язык, миф, искусство, наука. Технология деятельности, организация жилого пространства, форма одежды [2, 53], жилище, поселение и любые другие предметные формы культуры являются полифункциональными носителями знаний и кодов, правил, норм. Город (поселение) также является сложной формой (системой) совмещения многообразных практик, аккумуляции многообразного опыта, его трансляции от поколения к поколению.

В социально-гуманитарных науках имеется ряд терминов, которые семантически близки понятию социальной памяти. К ним можно отнести понятие "ноосфера" (В.И. Вернадский), «внешняя память» (А.А. Малиновский) [3,220-221], «историческая память» (Э.В. Соколов) [4,125], «память мира» (А. Моль) [5, 55-56], «наиндивидуальная система информации» (В.Г. Афанасьев) [6,45], "внешняя память", "пассивно-знаковая

память" (М.К.Петров) [7,94], «социально-историческая память» (А.И.Ракитов) [8,10].

Зафиксируем наиболее общие признаки, которые содержит в себе город как форма культуры и социальной памяти общества.

Первое, что обращает на себя внимание, это надличностный характер городской жизни как социальной памяти. Город как форма осуществления совместной жизни и аккумуляции социальной памяти, является социальное тело индивида. Как институт культуры он включает в себя механизмы непосредственного превращения индивидуального опыта в коллективный, механизм обобщения, селекции, бесконечного накопления, сохранения и трансляции социального опыта и, таким образом. Поэтому города, города-государства были основной цивилизационной формой изначально, породившей социальную мегамашину и путь к технологическому прогрессу человечества.

Второе, что нужно иметь в виду, не нужно упрощать и представлять дело так, что город есть лишь здания, улицы, дороги и пр. сооружения и инфраструктура. Город форма жизни и как таковой включает в себя практики производства утилитарных вещей, продуктов питания, скарба, мебели, строительство всякого рода, осуществление властно-управленческих функций, публичной жизни, практики быта, личной жизни, в том числе и интимной, практики искусства, духовной жизни и все остальное. Город как поселение есть в то же время универсум жизни социума на определенном этапе, включающий в себя интенсивный обмен, коммуникацию, практики финансовой, познавательной, нравственной и эстетической деятельности. Как универсум социальной жизни он выступает метамоделью универсума вообще [9].

В-третьих, город как информационно-коммуникативная система, представляет собой коллективное ноосферное образование, в котором функционирует и пересекается многообразие потоков быденной, научной, коммерческой, эстетической, политической, военной и пр. информации. Он

включает в себя институты памяти (музеи, библиотеки), образования, науки, искусства, политики, религии и пр., которые создают содержательно-смысловое наполнение ячеек социальной памяти. Как сложная знаково-коммуникативная система, город работает в режиме ментально-семиотической системы, порождающее с помощью индивидуальных и коллективных усилий произведения искусства, религиозные учения, научные теории, политические тексты.

В-четвертых, хотелось бы подчеркнуть, что город как социальная память есть активно-функционирующая система. Совокупность запасников, музеев, книгохранилищ, заповедников, коллекций, пластинок или дискет с записями информации и пр.; они - лишь отдельные фрагменты социальной памяти. Социальная память, обеспечивая сохранение генокода (информации, навыков, ценностей), также отвечает и за их воспроизводство. Она включает в себя как средства хранения знаний, социальные институты, так и способы деятельности и акторов, занимающиеся генерированием новаций. Поэтому в социальном плане город как институт памяти понимается нами как форма социальной активности, продуктивной рациональной деятельности: историков, археологов, библиографов, архивоведов и каждого смертного.

Город как социальная память оказывается информационным культурно-семиотическим институтом общества, порождающим и организующим информационные и коммуникативные процессы, связанные с культурно-семиотическим кодированием, хранением, преобразованием и транслированием всего социального опыта.

Архитектурная среда является частью опредмеченного социального опыта. Она включает комбинацию пространств, объемов и систем оборудования и благоустройства для обеспечения жизнедеятельности людей, на основе законов художественного сочетания. Она создается на основе определенного архитектурно-дизайнерского замысла и воспринимается через «призму» ценностей социума. Город как сложный организм, имеет свои архитектурно-пространственные маркеры, коды,

традиции. Напрмиер, для этого значима среда исторического центра любого города, которая представляет собой своеобразный сплав исторических маркеров культуры. Каждая эпоха «архитектурного стиля» вносит свой акцент в практику и предметный формы архитектурного форматирования городской среды. Особенности композиции, масштабности, детализовки, стиля, создают особое социокультурное пространство, которое выступает и как предметное бытие человека, отражающее социальные приоритеты эпохи и особенности ментального состояния социума.

Что же закодировано в культурно-исторической памяти Краснодара, касающееся организации опыта совместного проживания?

Среда исторического центра имеет особую роль в формировании эталонной культурной традиции, тех эстетических идеалов и вкусов, которые как архетипические мифологические герои, служат основой социально-эстетической мифологии города на всей последующей истории, Центр как культурно-эстетическая и героическая доминанта семиотически кодирует ценности, подвиги и героев, стоящих во главе культурного наследия и культурной памяти.

Семиотическая картография исторического центра города Краснодара способствует не просто сохранению индивидуального, неповторимого облика исторического центра, а, прежде всего, соотнесена с доминантными святынями и символами, определяющими культурно-историческое содержание территории. Центр значим не пространственным положением, а культурной, исторической, политической доминантой, определяющей традицию. Позитивно, что в свое время на основе работ А.В. Титова по проблемам истории архитектуры Кубани и на основе результатов работы специальной комиссии (1970 гг.) были взяты под госохрану 180 памятников архитектуры города,

Стараниями Э. Ефимовой-Сякиной была введена хронология градостроительства и архитектуры дореволюционного Екатеринодара: первый период – с основания города до 70-х годов XIX века, – войсковой

город; второй период (с 70-90-е гг. XIX в.) – город обрел гражданский статус и третий период (1900–1914 гг.) – считается расцветом градостроительства и архитектуры дореволюционного периода.

В исследовании этой темы, как и всего комплекса рассматриваемых проблем, большую роль играют труды В.В. Бондаря. Он, в частности, отмечает, что в первые годы пространственная среда города архитектурно формировалась как военное поселение, включающее в себя крепость, склады, конюшни. Жилая застройка представляла собой турлучные хаты под камышом (разделявшиеся на «горницу» и «хатыну»), деревянные срубы и землянки.

Со времени превращения в гражданский город за полвека город превратился в экономический и культурный центр, а его архитектурное пространство оформилось в виде административных зданий, частных особняков, банков, гостиниц. Строительный материал стал более качественным и разнообразным, также коренным образом улучшилось эстетическое содержание зданий (архитекторы-строители В. Филиппов, Н. Сеняпкин, Н. Малама, Н. Петин, А. Косякин, И. Мальгерба, А. Козлов, М. Рыбкин, Н. Козо-Полянский, Н. Милованов, И. Рымаревич-Альтманский). В течение последующих 50 лет Екатеринодар из небольшого глинобитного населенного пункта превратился в полноценный город. В 70-х гг. XIX в. его архитектуре появились черты эклектизма, что вообще впоследствии частым явлением, представляя собой псевдостиль. Феномен эклектических построек специалисты относят к концу XIX – началу XX в.: особняки Ф. Акулова, братьев Богарсуковых, В. Рубежанского, Б. Шарданова. «Мавританская» архитектура (дом Рымаревича-Альтманского, доходный дом Хлебникова), модернизм (здание Общества взаимного кредита, Зимний театр).

Как отмечают исследователи (Г.Ф. Терещенко и др.) в Краснодаре осталось очень немного тех зданий, который были построены еще в Екатеринодаре и которые являются носителями архетипической символической доминанты для города и региона. Облик их иногда изменен в

ходе реконструкций, некоторые нуждаются в реставрации. Но, все-таки, они расположены достаточно кучно и составляют некоторую цельность. Они могут служить моделью для застройки исторического центра.

Нам важны не просто здания, сооружения, стили, манера. Для нас значимы и те «негативные» оценки, которые независимо от их исторической общезначимости, говорят об особенностях образа жизни, менталитета, специфики адаптивных практик в формировавшемся здесь этносе и социуме, который сохранился по настоящее время и может нести как адаптивную. Так и дезадаптивную функцию;

Так А.Ю. Рожков указывает на следующие особенности и ментальные стереотипы городского образа жизни Краснодара 1920 гг. [10]:

- город-станция, т.е. своеобразное переплетение традиционного казачьего уклада и городской «модерности»,
- с начала и к 1920-х гг. в том числе Краснодар представлял собой довольно пестрый по составу конгломерат жителей, из которых меньшинство имело статус «коренного» горожанина [11],
- нездоровый болотистый климат, скученность проживания, узкие тротуара, пыль и грязь,
- смешение бытовых практик разных регионов и укладов,
- по мнению П.В. Миронова, город с самого своего основания развивался «неряшливо и беспризорно». Никто не думал оставлять свободные площади для общественных нужд, бороться с искривлениями улиц. Улицы города в большинстве своем были узкими, что не только мешало движению людских потоков, но и затрудняло развитие трамвайных линий. Только около 40% улиц (в центральных районах города) были вымощены камнем или покрыты асфальтом. «Все остальное – земля да пыль, пыль да грязь», - отмечала газета «Красное знамя». Из общей протяженности краснодарских улиц, освещенными в 1928 г. была всего одна треть, преимущественно в центральной части [12].

Таким образом, можно считать, что в генетическую память Краснодара, как городского поселения, встроены следующие культурно-адаптивные и культурно-генетические коды:

- адаптация к трудным природно-климатическим условиям;
- полиэтническое и поликультурное смешение практик и стилей жизни, градостроительства, адаптации;
- пограничный, временами военный характер поселения;
- казачья доминанта в адаптивных практиках и обустройстве жизни;
- значительное развитие торговых и менных отношений.

Выявление этих и других генетических кодов социальной памяти важно для понимания обустройства и жизни в Краснодаре, его дальнейшего развития.

Список использованной литературы:

1. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры. // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. Вып. 5. – С. 147.
2. См. также: Лобас В.Ф. Семиотические предпосылки эффективности управления. – Киев, 1980. – С.53.
3. Малиновский А.А. Проблема соотношения социального и биологического// Биологическое и социальное в развитии человека. М., 1977. - С.220 - 221.
4. См.: Соколов Э.В. Культура и личность. Л., 1972. – С.125.
5. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973. – С.55 – 56.
6. Афанасьев В.Г. Социальная информация в управлении обществом. М., 1975. – С.45.
7. Петров М.К. Человек и культура в научно-технической революции// Вопросы философии. 1990. N 5.; Петров М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д., 1992. – С. 94.
8. Ракитов А.И. Историческое познание, М., 1982. – С.10.

9. См. например, учение Августина о «Граде земном» и «Граде божьем». Августин Аврелий. О граде божьем// URL. http://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/

10. Рожков А.Ю. Провинциальный город в ракурсе «эмоциональной» истории повседневности: исследовательские подходы и проблемы (Краснодар, 1920-е) //Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2016. № 2. / URL. <http://vestnikkguki.esrae.ru>

11. С момента перевода Екатеринодара в 1867 г. в статус города гражданского он прибавлял ежегодно по 5% населения и по итогам Всесоюзной переписи 1926 г. население Краснодара составляло 154410 чел.

12. См.: Рожков А.Ю. Провинциальный город в ракурсе «эмоциональной» истории повседневности: исследовательские подходы и проблемы (Краснодар, 1920-е) //Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2016. № 2. / URL. <http://vestnikkguki.esrae.ru>